

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 36–44.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 36–44.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 902 (985)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.003

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ДРЕВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЯНАО)

Ольга Сергеевна Тупахина¹, Даниил Сергеевич Тупахин²

^{1,2} Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

¹ olga-tupakhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7634-0595>

² dantupahin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-6298>

Аннотация. В статье авторы, анализируя хозяйственный уклад древнего населения Нижнего Приобья, постарались осветить роль и место традиционных экономических моделей природопользования в системе культурной самоидентификации. Хозяйственно-экономические модели, основанные на эксплуатации биоресурсов (охота и рыболовство), по мнению авторов, предшествовали специализированной отрасли производящего хозяйства (оленоводства) и, подвергаясь определенной модернизации, сохранялись вплоть до этнографической современности.

Ключевые слова: древнее хозяйство, эпоха энеолита, археология Нижнего Приобья, традиционные экономические модели.

Цитирование: Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Формирование традиционных экономических моделей природопользования в древности (по материалам археологических памятников ЯНАО) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 36–44. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.003

Original article

FORMATION OF TRADITIONAL ECONOMIC MODELS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN ANCIENT TIMES (BASED ON THE MATERIALS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT)

Olga S. Tupakhina¹, Daniil S. Tupakhin²

^{1,2} Arctic Research Center, Salekhard, Russia

¹ olga-tupakhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7634-0595>

² dantupahin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-6298>

Abstract. In the article, the authors analyze the economic structure of the ancient population of the Lower Ob region, try to highlight the role and place of traditional economic models of wildlife management in the system of cultural self-identification. Economic models based on the exploitation of biological resources (hunting and fishing), in our opinion, preceded the specialized branch of the productive economy, i.e., reindeer husbandry. The models were continuously updated to some extent and survived until ethnographic modernity.

Keywords: ancient economy, Eneolithic era, archaeology of the Lower Ob region, traditional economic models.

Citation: Tupakhina O. S., Tupakhin D. S. Formation of traditional economic models of environmental management in ancient times (based on the materials from archaeological sites of the Yamal-Nenets Autonomous District) // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 36–44. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.003

Введение

Хозяйственно-экономический уклад, составляющий основу культуры традиционных сообществ, неизбежно влияет на ее формирование и находит отражение во всех ее отраслях. Возникновение адаптационных стратегий, предполагающих интенсивную эксплуатацию имеющихся в распоряжении человека природных ресурсов, является важнейшим ус-

ловием выживания человека в суровых условиях Арктического региона. Анализируя многочисленные материалы, относящиеся к древнейшей истории ямальской Арктики, мы приходим к выводу, что сложившиеся не позднее конца четвертого тысячелетия устойчивые хозяйственно-экономические модели, ориентированные главным образом на круглогодичный промысел различных биоресурсов (крупных копытных, водоплавающей и боровой птицы, рыбы), обеспечивали устойчивое и достаточно комфортное существование человеческих коллективов. Не позднее эпохи неолита — начала энеолита сложившиеся типы хозяйства позволили человеку уверенно освоить регион и постоянно проживать на территории Нижнего Приобья. Выработанные в глубокой древности принципы и способы ведения хозяйства, на наш взгляд, стали основой традиционной культуры. Отдельные архаичные элементы, хотя и трансформировались, были сохранены до этнографической современности. Такого рода устойчивость связана, с одной стороны, с достаточной производительностью хозяйственных практик и методов, определяющих успешность выработанных еще в древности адаптационных стратегий, элементы которых сохраняются на протяжении значительного времени, с другой стороны — в целом с феноменом устойчивости традиционной культуры, менее подверженной модернизации и новаторству из-за определенной изолированности, связанной с удаленностью региона.

Объекты и методы исследования

Рассматривая древнюю историю региона, мы склонны полагать, что наиболее удачные адаптационные стратегии, которые можно определить как различные отрасли «присваивающего» хозяйства, сложились к концу эпохи энеолита — перехода к эпохе бронзы. В последние десятилетия объемом археологических материалов, характеризующих этот период, значительно возрос, что позволяет перейти к некоторым обобщениям. В частности, мы приходим к выводу, что к этому времени в Нижнеобском регионе сложились три основных типа хозяйства: 1) круглогодичный промысел рыбы; 2) охота преимущественно на крупных копытных; 3) охотничье-рыболовное хозяйство. Стоит отметить, что ранее авторы уже дали общую оценку хозяйственно-экономических моделей, сложившихся к финалу энеолита в Нижнем Приобье, однако находки полевого сезона 2020 г. вносят в сделанные ранее выводы определенные коррективы, касающиеся, в частности, хозяйства населения южной части полуострова Ямал.

К первому типу хозяйства относятся поселения, расположенные непосредственно на Оби (крупнейшей водной артерии Западно-Сибирского региона) и на ее крупных притоках (*пос. Горный Самотнел-1, нижние стратиграфические ярусы стоянки Салехард-1, 2, нижние стратиграфические ярусы городища Усть-Васьеган-I*). Самым известным археологическим памятником такого типа является поселение Горный Самотнел-1, которое изучалось на протяжении шести полевых сезонов (с 2009 по 2014 г.). Вывод о том, что поселение Горный Самотнел-1 является именно поселением оседлых рыболовов, базируется на результатах целого комплекса исследований, различных по своей методике и относящихся как к традиционным археологическим, так и к естественно-научным методам, результаты которых опубликованы нами в виде монографии [1]. О том, что основным занятием на поселении было рыболовство, свидетельствует, в частности, орудийный набор, в котором представлены фрагмент крупной (с ячейей 60 мм) сети, многочисленные каменные грузила различных типов (подвесные массивные дисковидные грузила, грузила из отдельных галек, составные грузила — «кибасы» из бересты и камня) [2], поплавки из скрученных фрагментов берестяных полотен. Косвенные свидетельства — многочисленные орудия для работы с деревом, которые могли использоваться для изготовления вспомогательных орудий лова из дерева и плавательных средств [3].

Промысел рыбы, как основное занятие древнего населения, не означает, что жители поселения не занимались охотой, поскольку лишь охота, наряду с разнообразием рациона мясом, могла обеспечить древнего человека важнейшим ресурсом, обеспечивающим выживание в холодное время года, — шкурами и пушниной. Однако доля охоты для такого типа экономики, на наш взгляд, была значительно ниже рыбного промысла. Помимо опорного памятника — поселения Горный Самотнел-1, — к археологическим комплексам этой культуры мы относим часть материалов стоянки Салехардской а также нижний ярус городища Усть-Васьеган-I [4, 5].

Второй хозяйственный тип, существовавший в эпоху энеолита, ориентирован главным образом на охотничий промысел. Его документирует группа памятников в средней части полуострова Ямал (*стоянка Йоркутинская, поселения Йоркутинское II, III, IV*). Высказанные нами ранее предположения о том, что основой хозяйства здесь являлась кочевая охота, базировались на малочисленных (16 фрагментов керамических

сосудов, один сланцевый остроконечник) случайных сборах 1960-х годов [5]. Результаты полевых работ 2020 г. позволяют внести в сформулированные ранее предположения определенные корректировки. Первоначальные описания памятника, сделанные Л. П. Хлобыстиным, сформировали представление о существующем комплексе как о кратковременной стоянке, к настоящему времени практически уничтоженной в ходе различных эрозионных процессов. Экспедиционные исследования 2020 года показали, что стоянка Йоркутинская представляет собой большой поселенческий комплекс, находящийся в аварийном состоянии. На площади 226 кв. м в результате раскопок выявлены остатки двух жилищ и прилегающей к ним территории. Размер одного из них составил около 100 кв. м, второе исследовано частично. В результате разведки сравнительно небольшого участка были открыты 6 памятников, керамические комплексы которых сопоставимы с Ясунской [6] и Йоркутинской [7] археологическими культурами финального неолита или энеолита. Кроме того, выделены материалы с неопределенной атрибуцией и хронологией. Коллекция стоянки Йоркутинская включает более 3000 предметов, на остальных памятниках на поверхности собраны многочисленные предметы. Эти данные позволяют утверждать, что выявленные объекты представляют долговременные базовые поселения: столь большое количество артефактов не может быть оставлено на кратковременных стоянках. Орудийный набор, представленный многочисленными наконечниками стрел, массивными наконечниками копий из сланца, орудиями обработки шкур из сланца и песчаника, говорит нам об ориентированности экономики древнего населения преимущественно на охоту. Эти выводы предварительны и потребуют детального изучения в ходе последующих полевых работ, всестороннего изучения естественно-научными методами.

Третий хозяйственный тип относится к смешанным типам экономики, где охотничий и рыболовный промыслы занимали примерно равные доли в общей системе хозяйства (*пос. Лов-Санг-Хум-II, пос. Пернашор, стоянка Щучья-II, нижние стратиграфические ярусы пос. Бухта Находка*). Оценка такого рода хозяйственно-экономической модели была дана ранее в работах, основанных на анализе археологических материалов южной части Нижнего Приобья [8]. Представленные поселения, как правило, приурочены к небольшим рекам, позволяющим вести рыбный промысел при помощи запоров-ловушек. Вместе с тем расположение

поселений в зоне северной тайги позволяло использовать близлежащую территорию в качестве охотничьих угодий, в которых велась добыча копытных, водоплавающей и боровой птицы, пушного зверя.

Выводы

Рассматривая хозяйство населения Нижнего Приобья в исторической ретроспективе, исследователи склонны отмечать значительную устойчивость как отдельных элементов материальной культуры, так и сложившихся экономических моделей. Нам кажется, что подобное замечание особенно уместно для отраслей экономики, определяемых как «присваивающее» хозяйство, которое основано на эффективной эксплуатации богатых природных ресурсов. Что касается сложившихся в древности приемов и практик природопользования, несмотря на неизбежные трансформации и усовершенствования, связанные с естественным историческим прогрессом материальной культуры, отдельные их элементы в традиционном виде сохраняются вплоть до этнографической современности.

Так, рыболовный промысел, сложившийся на Нижней Оби в энеолитическое время и сохранявшийся в последующие эпохи, не утратил своей актуальности и позволяет провести параллели с типами хозяйства, описываемыми А. В. Головневым для этнографического времени. Это тундрово-сетевое рыболовство — характерный сезонный промысел оленеводческих хозяйств; низово-неводной — характерный для малооленных и не связанных с оленеводством хозяйств ненецко-угорского населения нижнего Приобья. Развитое рыболовство, основанное на сетевом и неводном промысле, таким образом, может выступать как полноценная самостоятельная отрасль хозяйства, обеспечивающая пищевые потребности живущего на большой Оби и ее притоках населения, так и в качестве дополняющей части хозяйства, вносящего необходимое разнообразие в диету коллективов, занятых оленеводством. В ряде случаев также фиксируется трансформация сетевого промысла рыбы ценных пород в специализированную отрасль — товарную добычу рыбы [9].

Характерные приемы промысла, соотносящиеся с охотничье-рыболовным хозяйственным типом, фиксируемым по данным археологии, вполне сопоставимы с выделяемыми А. В. Головневым таежным неводно-запорным и таежным запорно-сетевым типом рыболовства хозяйств селькупов и лесных ненцев [9, с. 29].

Промысел крупных копытных (северного оленя и лося), по мнению ряда исследователей, оставался основным занятием населения крайнего севера Евразии вплоть до конца первого тысячелетия нашей эры [10].

Заключение

Снижение роли охоты в традиционной культуре аборигенного населения принято связывать с качественным переходом от присваивающего к особым формам производящего хозяйства — развитием оленеводства, которое стало основой традиционной культуры в первую очередь населения тундровой зоны. Оно неизбежно привело к смене общей парадигмы экономики от оседлых форм, связанных с эксплуатацией естественных биологических ресурсов, к появлению производящей северной кочевой экономики. Вместе с тем важно отметить, что сформированные в древности адаптационные модели, основанные на эксплуатации биологических ресурсов, не утратили своей актуальности, оставаясь как минимум вспомогательной частью сложной и развивающейся экономической системы аборигенного населения Нижнего Приобья на всем протяжении его истории. Также в ряде случаев, связанных с различными кризисными ситуациями, переход от производящего к присваивающему хозяйству способен обеспечить выживание отдельных коллективов, что, учитывая высокие риски такой отрасли, как оленеводство, является немаловажным фактором.

Список источников

1. Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования // Археология Арктики. — Вып. 5, приложение. — Салехард, 2018. — 149 с.
2. Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Значение рыболовства в финальном каменном веке Нижнего Приобья (по материалам поселения Горный Самотнел-1) // Самарский научный вестник. — 2018. — Вып. № 4 (25). — С. 193–197.
3. Тупахин Д. С. О роли древесины в хозяйстве древнего населения Нижнего Приобья (по материалам поселения Горный Самотнел-1) // I Международная конференция «Археология Арктики». — Салехард, 2017. — С. 57–60.
4. Кардаш О. В. Раскопки стоянки Салехард-1 (Обдорский городок) в 1946 и 2000 годы // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. — Томск, 2005. — С. 17–20.

5. Чикунова И. Ю. Городище Усть-Васьеган-1 в Северном Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Казань, 2014. — Т. 3. — С. 554–558.
6. Васильев Е. А. Транскультурные традиции Северо-Западной Сибири в эпохи неолита и раннего металла // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 4 (42). — С. 98–102.
7. Королев Ю. Г., Хлобыстин Л. П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. — № 115. — М., 1969. — С. 79.
8. Рудковский С. И., Глызин И. П. Раскопки поселения Лов-санг-хум II // Археологические открытия. — Вып. 2005. — М., 2007. — С. 509–511.
9. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. — Новосибирск, 1993. — 204 с.
10. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. — М.: Наука, 1976.

References

1. Tupakhina O. S., Tupakhin D. S. Eneolithic settlement Gorny Samotnel – I: materials and research. // Arctic Archaeology. — Issue 5, addition. — Salekhard, 2018. — 149 p.
2. Tupakhina O. S., Tupakhin D. S. The importance of fishing in the final Stone Age of the Lower Ob region (based on the materials from the settlement Gorny Samotnel-I) // Samarsky Nauchny Vestnik. — No. 4 (25). — 2018. — P. 193–197.
3. Tupakhin D. S. About the role of wood in ancient economy of the Lower Ob region (based on the materials from the settlement Gorny Samotnel-I) // I international conference “Arctic archaeology”. — 2017. — P. 57–60.
4. Kardash O. V. Excavations of the Salekhard-I (Obdorsky gorodok) site in 1946 and 2000 // Problems of historical and cultural development of ancient and traditional society of the Western Siberia region and contiguous territories. — 2005. — P. 17–20.
5. Chikunova I. Yu. Settlement Ust-Vas'egan-1 in the northern Ob-river area // Materials of IV (XX) all-Russian archaeological conference in Kazan. — 2014. — Vol. 3. — P. 554–558.
6. Vasilyev E. A. Transcultural traditions of North-West Siberia in the Neolithic and Early Metal Age // Tomsk State University, Journal of History. — 2016. — No. 4 (42). — P. 98–102.
7. Korolev Yu. G., Khlobystin L. P. The Yorkutinkaya site in Yamal peninsula // KSIA. — 1969. — No. 115. — P. 79.
8. Rudkovsky S. I., Glyzin I. P. Excavation of the Lov-Sang-Khum II site // Archaeological discoveries. — 2007. — Vol. 5. — P. 509–511.
9. Golovnev A. V. Historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia. — Novosibirsk, 1993. — 204 p.
10. Simchenko Yu. B. The culture of reindeer hunters in Northern Eurasia. — M.: Nauka, 1976.

Сведения об авторах

Ольга Сергеевна Тупахина, 1977 г. р. Окончила исторический факультет Благовещенского государственного педагогического университета в 2001 г. По окончании аспирантуры Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН в 2008 присвоена степень кандидата исторических наук. Старший научный сотрудник Научного центра изучения Арктики с 2012 г. Сфера научных интересов: первобытная история Арктики, древние керамические технологии, древние поселения

Даниил Сергеевич Тупахин, 1988 г. р. Окончил исторический факультет Томского государственного университета в 2014 г. Лаборант (с 2013 г.), младший научный сотрудник (с 2014 г.) отдела археологии Научного центра изучения Арктики. Сфера научных интересов: древняя история Арктики, каменные индустрии древности, применение методов естественных наук в археологических исследованиях.

Information about the authors

Olga Sergeevna Tupakhina, born in 1977. Graduated from the historical department of the Blagoveshchensk State Pedagogical University in 2001. Received a Ph.D. degree at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch of RAS in 2008. Senior researcher at the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia) since 2013. Research interests: Arctic prehistory, ancient pottery technologies, ancient settlements.

Daniil Sergeevich Tupakhin, born in 1988. Graduated from the historical department of the Tomsk State University in 2014. Laboratory assistant (since 2013), Junior researcher (since 2014) at the Arctic Research center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia). Research interests: ancient Arctic history, stone industries, natural science methods in archaeological research.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on February 12, 2021.